

РОДНИЧОК

**КНИГА
ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ
В 3 КЛАССЕ**

Допущено
Министерством образования и науки
Российской Федерации

Тула
Родничок
Москва
Издательство АСТ

Уважаемые родители и преподаватели!

Произведения, включенные в сборник, могут быть использованы в начальной школе на уроках внеклассного чтения, литературного образования, для чтения в кругу семьи. Они вводят младших школьников в мир большой литературы, помогают формированию у них умений и навыков чтения, тяги к нему, развитию интересов и кругозора, нравственных качеств. Подбор произведений осуществлен в соответствии с программным материалом. Составители попытались учесть интересы и учителей и детей.

**МИР ПРИРОДЫ,
МИР ВОЛШЕБНЫЙ**

И. С. Тургенев

БЕЖИН ЛУГ

Отрывок

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полу-

дня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза, разве кой-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

К. Д. Ушинский

ОРЁЛ И КОШКА

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива.

Вдруг, откуда ни возьмись, — огромный степной орёл: как молния спустился он с вышины и схватил одного котика. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва насмерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

К. Паустовский

ВОДА ИЗ РЕКИ ЛИМПОПО

На столе в классе стояли залитые сургучом бутылки с желтоватой водой. На каждой бутылке была наклейка. На наклейках кривым старческим почерком было написано: «Вода из Нила», «Вода из реки Лимпопо»¹, «Вода из Средиземного моря»².

Бутылок было много. В них была вода из Волги, Рейна, Темзы³, озера Мичиган⁴, Мертвого моря⁵ и Амазонки⁶. Но сколько мы ни разглядывали эту воду, во всех бутылках она была одинаково жёлтая и скучная на вид.

¹ Нил, Лимпопо — реки в Африке.

² Средиземное море — море, расположенное между Европой, Азией и Африкой.

³ Рейн, Темза — реки в Европе.

⁴ Мичиган — озеро в Северной Америке.

⁵ Мёртвое море — в Азии (Палестине).

⁶ Амазонка — река в Южной Америке.

Мы приставали к учителю географии Черпунову, чтобы он разрешил нам попробовать воду из Мёртвого моря. Нам хотелось узнать, действительно ли она такая солёная. Но пробовать воду Черпунов не позволял.

Низенький, с длинной, почти до колен, серой бородой и узкими глазами, Черпунов напоминал колдуна. Недаром и прозвище у него было Черномор.

Черпунов всегда притаскивал на уроки всякие редкости. Больше всего он любил приносить бутылки с водой. Он рассказывал, как сам набирал нильскую воду около Каира¹.

— Смотрите, — он взбалтывал бутылку, — сколько в ней ила. Нильский ил богаче алмазов. На нём расцвела культура Египта. Марковский, объясни классу, что такое культура.

Марковский вставал и говорил, что культура — это выращивание хлебных злаков, изюма и риса.

— Глупо, но похоже на правду! — замечал Черпунов и начинал показывать нам разные бутылки.

Он очень гордился водой из реки Лимпопо. Её прислал Черпунову в подарок бывший его ученик.

Чтобы мы лучше запоминали всякие географические вещи, Черпунов придумал наглядный способ. Так, он рисовал на классной доске большую букву А. В правом углу он вписывал в эту букву второе А, поменьше, в него — третье, а в третье — четвёртое. Потом он говорил:

— Запомните: это — Азия, в Азии есть Аравия, в Аравии — город Аден, а в Адене сидит англичанин.

¹ Ка́йр — город в Африке.

Мы запоминали это сразу и на всю жизнь.

Старшеклассники рассказывали, что на квартире у Черпунова устроен небольшой географический музей, но старик к себе никого не пускает. Там были будто бы чучела колибри¹, коллекция бабочек, телескоп и даже самородок золота.

Наслушавшись об этом музее, я начал собирать свой музей. Он был, конечно, небогатый, но расцветал в моём воображении, как царство удивительных вещей. Разнообразные истории были связаны с каждой вещью — будь то пуговица румынского солдата или засушенный жук-богомол.

Однажды я встретил Черпунова в Ботаническом саду. Он сидел на мокрой от дождя скамейке и ковырял тростью землю. Я снял фуражку и поклонился.

— Пойди сюда! — подозвал меня Черпунов и протянул мне толстую руку. — Садись. Рассказывай. Ты, говорят, собрал маленький музей. Что же у тебя есть?

Я робко перечислил свои незамысловатые ценности. Черпунов усмехнулся.

— Похвально! — сказал он. — Приходи ко мне в воскресенье утром. Посмотришь мой музей. Допускаю, что коль скоро ты этим увлекаешься, то из тебя выйдет географ или путешественник.

— С мамой? — спросил я.

— Что с мамой?

— Прийти к вам с мамой?

¹ Колибри — птица, размером иногда не больше шмеля; водится главным образом в Южной Америке.

— Нет, зачем же, приходи один. Мамы не понимают в географии.

В воскресенье я надел новенький гимназический костюм и пошёл к Черпунову. Он жил на Печёрске, в низеньком флигеле во дворе. Флигель так густо оброс сиренью, что в комнатах было темно.

Была поздняя осень, но сирень ещё не пожелтела. С листьев стекал туман. Внизу на Днепре трубили пароходы. Они уходили зимовать в затоны и прощались с Киевом.

Я поднялся на крыльцо и увидел вделанную в стену медную чашечку с круглой рукояткой от

звонка. Я потянул рукоятку. Внутри флигеля пропел колокольчик.

Открыл мне сам Черпунов. На нём была серая тёплая куртка и войлочные туфли.

Чудеса начались тут же, в передней... В овальном зеркале отражался красный от смущения маленький гимназист, пытавшийся расстегнуть озябшими пальцами шинель. Я не сразу понял, что этот гимназист — я сам. Я долго не мог справиться с пуговицами. Я расстёгивал их и смотрел на раму от зеркала.

Это была не рама, а венок из стеклянных бледно окрашенных листьев, цветов и гроздьев винограда.

— Венецианское стекло, — сказал Черпунов, помог мне расстегнуть шинель, снял её и повесил на вешалку. — Посмотри поближе. Можешь даже потрогать.

Я осторожно прикоснулся к стеклянной розе. Стекло было матовое, будто присыпанное пудрой. В полоске света, падавшей из соседней комнаты, оно просвечивало красноватым огнём.

— Совсем как рахат-лукум¹, — заметил я.

— Глупо, но похоже на правду, — пробормотал Черпунов.

Я покраснел так, что у меня зажгло в глазах. Черпунов похлопал меня по плечу:

— Не обижайся. Это у меня такая поговорка. Ну, пойдём. Выпьешь с нами чаю.

Я начал отказываться, но Черпунов взял меня за локоть и повёл в столовую. Мы вошли в комнату,

¹ Рахат-лукум — кондитерское изделие, по внешнему виду напоминающее мармелад.

похожую на сад. Нужно было осторожно отводить листья филодендрона¹ и свисавшие с потолка ветки с красными пахучими шишками, чтобы добраться до своего места за столом. Веерная пальма нависала над белой скатертью. На подоконниках теснились вазоны с розовыми, жёлтыми и белыми цветами.

Я сел за стол, но тотчас вскочил. В столовую быстро вошла, шурша платьем, невысокая молодая женщина с блестящими серыми глазами.

— Вот, Маша, — кивнул на меня Черпунов, — это тот гимназистик, про которого я рассказывал. Сын Георгия Максимовича. Конфузится, конечно.

Женщина протянула мне руку. Зазвенел браслет.

Она налила мне чаю с лимоном и пододвинула вазу с венскими булочками.

— Набирайтесь сил перед лекцией.

После чая Черпунов закурил папиросу. Пепел он стряхивал в раковину, покрытую окаменелой пеной нежнейшего розового цвета. Вторая такая же раковина стояла рядом.

— Это раковина из Новой Гвинеи², — заметил Черпунов.

— Ну, прощайте! — громко сказала молодая женщина, встала и вышла.

— Ну вот, — промолвил Черпунов, проводил её глазами, а потом показал мне на портрет на стене.

¹ Филодэндрон — растение с широкими лапчатыми листьями, растёт в Южной Америке, у нас разводится в комнатах и оранжереях.

² Новая Гвинея — остров в Тихом океане, расположенный недалеко от Австралии.